Сны Эйнштейна

Автор:
Алан Лайтман

Сны Эйнштейна

Алан Лайтман

Эксклюзивная классика (АСТ)

1905 год. Молодой служащий бернского патентного бюро Альберт Эйнштейн разрабатывает теорию относительности, а по ночам ему снятся удивительные сны. Каждый раз это один и тот же швейцарский городок, но каждый раз в новом мире, живущем в иной временной реальности. В одном мире время скачет, как сумасшедшее, в другом – застывает, в третьем – совершает немыслимые пируэты, а в четвертом его можно даже потрогать...

Алан Лайтман

Сны Эйнштейна

Alan Lightman

Einstein’s Dreams

© Alan Lightman, 1993

© Перевод. В. Харитонов, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Вдалеке башенные часы бьют шесть раз и смолкают. За столом, навалившись, сидит молодой человек. Он чуть свет пришел в бюро, за ночь сделав еще один рывок. У него спутанные волосы, мешковатые брюки. В руке десятка два скомканных листов, это его новая теория времени, сегодня он отошлет ее в немецкий физический журнал.

В комнате отзываются городские звуки. Звякнула о камень молочная бутылка. Скрипнула маркиза над витриной на Марктгассе. Медленно катит свою повозку зеленщик. В квартире неподалеку приглушенными голосами переговариваются мужчина и женщина.

В неясном свете, затопляющем комнату, конторские столы горбятся смутно, как звери на лежке. Перед молодым человеком лежат в беспорядке раскрытые книги, на других же двенадцати дубовых столах документы разложены аккуратно еще со вчерашнего дня. Через два часа пришедший служащий будет точно знать, с чего ему начинать. Но в эту минуту, в этом неясном свете документы не более различимы, чем часы в углу комнаты или стул секретаря у двери. Все, что можно разглядеть в эту минуту, это призрачные квадраты столов и сгорбленная фигура молодого человека.

Невидимые часы на стене показывают десять минут седьмого. С каждой минутой все новые предметы обретают явь. Вот появилась мусорная корзинка из медной проволоки. Вот объявился календарь на стене. Вот семейная фотография, коробочка с бумажными скрепками, чернильница, перо. Там пишущая машинка, жакет, брошенный на спинку стула. Скоро из ночного марева, обволакивающего стены, выступают стеллажи. На стеллажах папки с патентными заявками. В одной предлагается новое сверло с фаской, уменьшающей трение; в другой – электрический трансформатор, выдерживающий постоянное напряжение на выходе при изменениях питающего напряжения; в третьей – пишущая машинка с бесшумной кареткой. Эта комната полна практических идей.

Снаружи солнце зажигает вершины Альп. Стоит поздний июнь. Лодочник отвязывает на Аре свою плоскодонку и отталкивается веслом, течение несет его вдоль Арштрассе к Гербернгассе, где он продаст свои яблоки и ягоды. В свою пекарню на Марктгассе приходит пекарь, растапливает печь, месит тесто. Любовники обнимаются на мосту Нидегг, задумчиво смотрят на реку. С балкона на Шиффлаубе мужчина обозревает розовеющее небо. Страдающая бессонницей женщина бредет по Крамгассе, заглядывая в каждую темную подворотню, читая объявления в занимающемся свете.

В длинном пенале на Шпайхергассе, в комнате, полной практических идей, сидит, обмякнув на стуле, молодой служащий патентного бюро, опустив голову на стол. За несколько месяцев, начиная с середины апреля, он перевидал множество снов о времени. Сны завладели его исследованием. Сны вымотали его, опустошили настолько, что он уже не может отличить сны от яви. Теперь со снами покончено. Природа времени, во множестве вариантов являвшаяся ему ночами, теперь свелась к одному. И не то чтобы все другие варианты были невозможны. Другие варианты могут существовать в других мирах.

Молодой человек шевельнулся на стуле, он ждет, когда придет машинистка, и тихо мурлычет «Лунную сонату» Бетховена.

14 апреля 1905 г.

Допустим, время – замкнутый круг. Мир неукоснительно повторяется.

Люди по большей части не знают, что они заново проживут свои жизни. Торговцы не знают, что они снова и снова будут заключать все те же сделки. Политики не знают, что в круговерти времени они будут снова и снова возглашать свое все с той же трибуны. Родители благоговейно хранят память о первом смехе своего ребенка, словно никогда не услышат его снова. Любовники, любящие впервые, пугливо раздеваются, дивятся шелковистому бедру, хрупко вылепленному соску. Откуда им знать, что в точности, как в первый раз, они снова и снова и подсмотрят, и потрогают?

Все то же самое на Марктгассе. Откуда знать торговцу, что всякий свитер домашней выделки, всякий вышитый носовой платок, всякая плитка шоколада, всякий хитроумный компас и часы – все вернется на свои места? В сумерках торговцы возвращаются домой, в семью, либо пьют пиво в заведениях, радостно окликая друзей на крытых улочках, лелея каждое мгновение, словно изумруд, данный им во временное обладание. Откуда им знать, что ничто не временно, что все повторится вновь? Муравей, ползущий по краю хрустальной люстры, не больше их знает, что вернется туда, откуда начал ползти.

В больнице на Гербернгассе женщина прощается с мужем. Он лежит и смотрит на нее пустыми глазами. За два прошедших месяца рак, поселившийся у него в горле, поразил печень, желудок, мозг. В углу на одном стуле жмутся его малолетки дети, боясь поднять глаза на отца, увидеть его впавшие щеки, высохшую, старческую кожу. Жена подходит к постели, мягко касается губами его лба, шепчет прощальные слова и быстро уходит с детьми. Она уверена, что это был их последний поцелуй. Откуда ей знать, что время начнется заново, что она снова родится, снова будет ходить в гимназию, выставит свою живопись в цюрихской галерее, снова встретит своего мужа в маленькой библиотеке во Фрибуре, и в некий теплый июльский день они поплывут на ялике по Тунскому озеру, и она родит ему детей, и муж так же проработает в аптеке восемь лет, и однажды вечером вернется домой с комом в горле, и снова все бросит, и будет слабеть, и кончится в этой больнице, в этой палате, на этой койке – в эту самую минуту. Откуда ей все это знать?

В мире, где время – круг, каждое рукопожатие, каждый поцелуй, каждое рождение, каждое слово повторятся в точности. Как повторится минута, когда друзья раздружатся, и день, когда из-за денег распадется семья, и снова выкрикнутся злые слова в супружеском споре, и зависть начальника снова порушит надежды, и обещание снова не сдержится.

И как все повторится в будущем, так миллионы раз все происходило прежде. В каждом городе найдутся люди, которые в своих грезах смутно сознают повторяемость прошлого. У этих людей не задалась жизнь, и они чувствуют, что их заблуждения, опрометчивые шаги и неудачи все имели место на предыдущем витке времени. Глухой ночью эти обреченные борются с простынями, не имея отдыха, мучаясь сознанием того, что не могут изменить ни единого поступка, ни единого движения. Ошибки прошлой жизни в точности повторяются в этой. Эти вдвойне несчастные люди одни только и свидетельствуют о том, что время – это круг. В каждом городе глубокой ночью пустые улицы и балконы наполняются их

стонами.

16 апреля 1905 г.

В этом мире время подобно потоку воды, который порою сбивают с пути речные наносы или налетевший ветер. То и дело какая-нибудь космическая пертурбация вынуждает ручеек времени уклониться от главного направления, начать попятное движение. Когда такое происходит, увлекаемые ветвящимися протоками птицы, грунт, люди оказываются снесенными в прошлое.

Отброшенных назад людей легко опознать. Они в темной невыразительной одежде, ходят на цыпочках, стараясь не произвести ни малейшего шума, не потревожить ни единой былинки. Они боятся, что любое нарушение в прошлом может губительно отозваться в будущем.

Вот сейчас, к примеру, такая личность вжимается в темную нишу у дома 19 по Крамгассе. Странное место для пришельца из будущего, но такое она себе выбрала. Прохожие идут, смотрят и удаляются. Она ежится на углу, потом семенит через улицу и оцепеневает на другом темном местечке, у дома 22. Она трепещет при мысли, что может поднять пыль, когда этим днем, 16 апреля 1905 года, в аптеку на Шпитальгассе направляется некий Петер Клаузен. Клаузен в некотором роде денди и не потерпит запачканной одежды. Если на одежду сядет пыль, он встанет и старательно почистится, несмотря на неотложные дела. Если Клаузен порядком задержится, он вряд ли купит мазь для жены, а та уже какую неделю жалуется на боли в ноге. В таком случае жена Клаузена рассердится и может не поехать на Женевское озеро. Если же 23 июня 1905 года она не поедет на Женевское озеро, она не встретит некую Катрин Дэпине, гуляющую на восточной пристани, и не познакомит с мадемуазель Дэпине своего сына Рихарда. В свою очередь Рихард и Катрин не женятся 17 декабря 1908 года, не родят Фридриха 8 июля 1912-го. Фридрих Клаузен не станет отцом Ханса Клаузена 22 августа 1938 года, а без Ханса Клаузена в 1979-м не бывать Европейскому союзу.

Женщина из будущего, без спросу выброшенная в это время и на это место и старающаяся быть невидимой в своем темном углу у дома 22 по Крамгассе, знает историю Клаузенов, как знает тысячу других историй, еще только ждущих

своего развития, зависящих от рождения детей, от ходьбы людей по улицам, от пения птиц в определенные минуты времени, от того, как расставлены стулья, от ветра. Она ежится в тени и не поднимает глаза на людей. Она ежится и ждет, чтобы поток времени вернул ее обратно, в ее время.

Когда пришельцу из будущего требуется говорить, он не говорит, а стенает. Он вышептывает страдальческие звуки. Он в отчаянии. Ведь если он что-то изменит в малейшей степени, он может погубить будущее. В то же время он вынужден быть безучастным свидетелем событий, не могущим ничего изменить. Он завидует людям, которые живут в своем собственном времени, могут поступать, как им хочется, не задумываясь о будущем, не ведая последствий своих действий. Он же действовать не может. Он инертный газ, дух, бездушная оболочка. Он утратил индивидуальность. Он изгнанник времени.

Таких вот несчастных людей из будущего можно найти в каждой деревне и в каждом городе, они прячутся под навесами домов, в подвалах, под мостами, в безжизненных полях. Их не спрашивают о грядущих событиях, о будущих браках, рождениях, о денежных делах, изобретениях, о возможных выгодах. Их оставляют в покое – и жалеют их.

19 апреля 1905 г.

Холодное сентябрьское утро, выпал первый снег. На балконе, с четвертого этажа нависающем над белой Крамгассе ввиду фонтана Церингер, стоит человек в длиннополом кожаном пальто. На востоке он видит стройный шпиль кафедрального собора Святого Винсента, на западе – крутые гребни крыш на Цитглоггетурм. Однако человек не смотрит ни на восток, ни на запад. Он смотрит вниз, видит красную шляпку на снегу, он задумался. Надо ли ехать к той женщине во Фрибур? Его пальцы обжимают металлический поручень, отпускают, снова сжимают. Надо ли ехать? Надо ли?

Он решает не видеться с нею. Она женщина властная и резкая в суждениях, она может отравить ему жизнь. Может, он не будет ей вообще никак интересен. И он решает не видеться с нею больше. Так что он держится мужской компании. Он упорно занимается фармацевтикой, практически не замечая своей помощницы. По вечерам он ходит в пивную на Кохергассе, пьет с друзьями пиво, учится

готовить фондю. Через три года он знакомится с женщиной из галантерейного магазина в Невшателе. Она прелестна. Она любит его очень медленно – месяц за месяцем. Проходит год, и она переезжает к нему в Берн. Они мирно живут, совершают прогулки вдоль Аре, отлично подходят друг другу, стареют, всем довольны.

В другом мире мужчина в длинном кожаном пальто решает снова увидеться с женщиной из Фрибура. Он едва знает ее, она может оказаться властной, в ее поведении сквозит ветреность, но как мягчеет ее лицо, когда она улыбается, какой у нее смех, какая толковая речь. Да, он должен еще раз увидеться с нею. Он едет к ней во Фрибур, садится с ней на диван, и почти сразу у него начинает бухать сердце, он изнемогает от белизны ее рук. Они любят друг друга шумно и безудержно. Она настаивает, чтобы он переехал во Фрибур. Он оставляет работу в Берне и начинает служить на фрибурском почтамте. Он пылает любовью к ней. Каждый день он обедает дома. Они едят, любят друг друга, спорят, она жалуется, что не хватает денег, он оправдывается, она швыряет в него посуду, они снова любят друг друга, он возвращается на службу. Она грозит бросить его, но не бросает. Он живет для нее одной и счастлив своим страданием.

И в третьем мире он решает снова увидеть ее. Он ее едва знает, она может оказаться властной, в ее поведении сквозит ветреность, но как же она улыбается, как смеется, как толково говорит. Да, он должен увидеть ее снова. Он едет к ней во Фрибур, она встречает его на пороге, они пьют чай на кухне. Беседуют о работе: она – в библиотеке, он – в фармации. Через час она говорит, что ей нужно проведать подругу, прощается с ним, они обмениваются рукопожатием. С опустошенным сердцем проезжает он тридцать километров до Берна, поднимается к себе на четвертый этаж на Крамгассе, выходит на балкон и смотрит вниз на красную шляпку, брошенную в снег.

Все три ряда событий совершаются одновременно. Ибо в этом мире время имеет три измерения, как пространство. Подобно тому как предмет может перемещаться в трех перпендикулярных направлениях, а именно горизонтально, вертикально и в глубину, точно так же он может участвовать в трех перпендикулярных будущих временах. Каждому будущему задано свое направление. Каждое будущее – реальность. Когда принимается решение, поехать ли к женщине во Фрибур или купить новое пальто, мир расщепляется на три мира, в каждом из них те же самые люди, но судьбы у них разные. Время – это бесчисленность миров.

Иные пренебрегают решениями, полагая так: чему быть, того не миновать. В таком мире – как отвечать за свои поступки? Другие считают, что всякое решение должно быть продуманным и обязательным к выполнению, что без обязательств наступит хаос. Эти люди приживаются в несовместных мирах, коль скоро могут обосновать каждый из них.

24 апреля 1905 г.

В этом мире два времени. Есть механическое время – и есть биологическое. Первое время меднолобое, точно тяжелый железный маятник, что раскачивается взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед. Другое время резвится, как голубая рыба в заливе. Первое неуклонно движется по заданному пути. Второе решает за себя на ходу.

Многие убеждены, что механического времени не существует. Проходя мимо гигантских часов на Крамгассе, они не глядят на них; не слышат они и курантов, отправляя посылки с Постгассе или прогуливаясь между клумбами в Розенгартене. Они носят на запястье часы как украшение или уважая чувства тех, для кого хронометр – лучший подарок. У себя дома они не держат часов. Они прислушиваются к биению своего сердца. Им внятны ритмы их желаний и капризов. Эти люди едят, чувствуя голод; встав ото сна, отправляются на работу в шляпную мастерскую или в аптеку, занимаются любовью во всякое время дня. Этим людям смешна сама мысль о механическом времени. Они знают, что время движется рывками. Они знают, что время с трудом ползет вперед, нагруженное, когда они несут ушибшегося ребенка в больницу или терпят взгляд обиженного соседа. Они знают и то, что время вырывается из поля зрения, когда они закусывают с друзьями, когда их хвалят или когда они лежат в объятиях тайного любовника.

Есть и другие – эти не признают своего тела. Они живут по механическому времени. Встают в семь часов утра. В полдень съедают ланч, в шесть ужинают. Вовремя, по часам, приходят на встречу. Они занимаются любовью между восемью и десятью вечера. Работают сорок часов в неделю. В воскресенье читают воскресную газету, по вторникам играют в шахматы вечером. Когда у них урчит в животе, они глядят на часы – не пора ли есть. Когда их увлекает концерт, они смотрят на часы над эстрадой, чтобы не припоздниться домой. Они

знают, что тело не заключает в себе ничего фантастического, оно – конгломерат химических элементов, тканей и нервных импульсов. Мысли не более чем электрическое возмущение в мозгу. Сексуальное возбуждение не более чем приток химических элементов к нервным окончаниям. Грусть не более чем воздействие кислоты на мозжечок. Коротко говоря, тело – это машина, так же послушная законам электричества и механики, как электрон или часы. И обращаться к телу следует на языке физики. Если тело подаст голос, это будет голос рычагов и приложенных сил. Надо не слушаться тела, но повелевать им.

Прогуливаясь по ночному холодку вдоль Аре, убеждаешься в совместности двух миров – в одном. Увлекаемый течением, лодочник ориентируется в темноте, считая по секундам: «Раз – три метра. Два – шесть метров. Три – девять метров». Его мерный голос звучит ясно и четко в темноте. Под фонарем на мосту Нидегг выпивают и смеются два брата, не видевшиеся целый год. Колокол кафедрального собора Святого Винсента бьет десять раз. В считаные секунды в домах по Шиффлаубе гаснут огни – с механической обязательностью, как следуют один из другого выводы в евклидовой геометрии. Лежащие на берегу любовники нехотя поднимают головы, разбуженные от безвременья сна далеким колокольным звоном, озадаченные приходом ночи.

Беда, когда оба времени сходятся. Благо, когда оба времени идут каждое своим путем. Тогда чудесным образом и адвокат, и сиделка, и пекарь обретают мир в каждом времени, но никак не в обоих. У каждого времени своя правда, но это разные правды.

26 апреля 1905 г.

В этом мире сразу отмечается некоторая странность. Ни в долинах, ни на равнине нет домов. Люди живут в горах.

Некогда в прошлом ученые открыли, что по мере удаления от центра Земли время течет медленнее. Эффект крохотный, но чувствительные инструменты его отмечают. Как только об этом явлении прознали, жаждущие остаться молодыми индивидуумы двинулись в горы. Теперь домами заставлены Дом, Маттерхорн, Монте-Роза и прочие высоты. В других местах продать жилье невозможно.

Многим недостаточно просто обитать на горе. Чтобы добиться максимального эффекта, они строят дома на сваях. По всему миру вершины гор обставлены такими домами, словно их обсели стаи долгоногих тучных птиц. Те, кому хочется жить дольше всех, ставят дома на самые высокие сваи. Поэтому некоторые дома тянутся на рахитичных ножках до полумили. Высота определяет положение. Когда человек, подняв глаза, высматривает соседа в кухонное окно, он думает, что у соседа не так скоро, как у него, деревенеют суставы, выпадают волосы, морщинится лицо, не так рано иссякает любовное рвение. Также, глядя на нижний дом, человек склонен расценивать его обитателей как никчемных, слабых, недальновидных людей. Иные хвастают, что всю жизнь живут на вышине, что родились в самом высоком доме на самой высокой горной вершине и никогда не спускались вниз. Они приветствуют свою юность в зеркалах и нагими разгуливают по балконам.

Время от времени настоятельные дела вынуждают людей спускаться, они делают это в спешке, сверзиваясь по высоким лестницам на землю, перебегая к другой лестнице или сбегая в долину, улаживая дела – и скорее, скорее домой либо на какое другое высокое место. Они знают, что с каждым их шагом вниз время убыстряет ход и они быстрее старятся. На земле они даже не присядут. Они бегают, прижимая к себе портфели и сумки.

В каждом городе отыщется группа обывателей, безразличных к тому, что они стареют на несколько секунд быстрее своих соседей. Эти отчаянные люди спускаются в нижний мир, бывает, на несколько дней, полеживают под деревьями, растущими на равнинах, лениво плещутся в озерах, лежащих на теплых высотах, катаются по ровной земле. Они почти не смотрят на часы и не скажут, понедельник сегодня или вторник. Когда мимо них, глумясь, пробегают люди, они только улыбаются в ответ.

Идет время, и люди забывают, почему выше значит лучше. Тем не менее они продолжают жить в горах, избегают низменностей, учат детей, чтобы те остерегали своих детей от низин. Они привыкли переносить холод и принимают неудобства как должное. Они даже убедили себя в том, что разреженный воздух полезен их организму, и, следуя этой логике, перешли на строгую диету, ограничив себя самой легкой пищей. В конечном счете они стали невесомы, как воздух, – кожа да кости, – и состарились до времени.

28 апреля 1905 г.

Ни пройтись по проспекту, ни перемолвиться с приятелем, ни войти в дом, ни поглазеть на витрины под старой аркадой из песчаника не получится в обход тех или иных хронометров. Всюду зримо присутствует время. Башенные часы, ручные часы, церковные колокола делят годы на месяцы, месяцы – на дни, дни – на часы, часы – на секунды, и всякое приращение времени совершается неукоснительным порядком. И мимо всех и всяческих хронометров крепью держит вселенную костяк времени, утверждая закон времени, одинаковый для всех. В этом мире секунда есть секунда всегда. Время шествует вперед с поразительной размеренностью, с одной и той же скоростью во всех уголках пространства. Время – неограниченный правитель. Время – абсолют.

Каждый день бернские обыватели собираются на западном конце Крамгассе. Там без четырех минут три Цитглоггетурм отдает дань времени. На высокой башенке танцуют шуты, кричат петухи, на дудочках и барабанах играют медведи, движения и звуки подчиняя вращению шестеренок, в свою очередь, одушевленных безупречностью времени. Ровно в три часа тяжелый колокол бьет три раза, люди сверяют часы и возвращаются к себе в конторы на Шпайхергассе, в лавки на Марктгассе, на фермы в заречье Аре.

Для людей религиозных время есть свидетельство о Боге. Ибо не может быть совершенства без Творца. Универсальное не может не быть божественным. Все абсолютные понятия суть часть Единого Абсолюта. В ряду с абсолютными понятиями стоит и время. Вот почему философы-моралисты помещают время в центр своей догмы. Время – это та система координат, по которой выверяются все поступки. Время – это ясность, отделяющая истинное от ложного.

В магазине белья на Амтхаусгассе женщина разговаривает с подругой. Та только что потеряла работу. Она двадцать лет прослужила в Бундесхаусе стенографисткой. На ней держалась семья. У нее дочь-школьница и муж, каждое утро тратящий два часа на свой туалет, – и вот ее уволили. Ее густо намазанная, карикатурного вида начальница вошла утром и велела очистить стол к завтрашнему дню. Подруга-продавщица молча слушает, аккуратно сворачивает салфетку, которую та купила, снимает пушинку со свитера свежеиспеченной безработной. Подруги договариваются встретиться завтра и выпить чаю в десять утра. В десять часов. До встречи семнадцать часов и пятьдесят три минуты. Впервые за все эти дни женщина-безработная улыбается. Она

воображает свои кухонные часы, отстукивающие секунды между теперешним временем и завтрашними десятью часами – безостановочно, безоговорочно. И воображает такие же часы в доме своей подруги, так же точно идущие. Завтра, без двадцати десять, женщина обмотает шею шарфом, натянет перчатки и пальто и по Шиффлаубе мимо моста Нидегг отправится в кафе на Постгассе. Туда же без четверти десять через центр города из своего дома на Цойгхаусгассе выйдет ее подруга. В десять часов они встретятся. Они встретятся в десять часов.

Мир, в котором время представляет собой абсолютную величину, есть мир, дарующий утешение. Ибо движения людей непредсказуемы, а движение времени предсказуемо. Если люди сомнительны, то время несомненно. Если люди предаются размышлениям, то время стремится вперед не оглядываясь. В кофейнях, в государственных учреждениях, в лодках на Женевском озере люди смотрят на часы и находят убежище во времени. Все знают, что где-то зафиксирована минута, когда они родились, когда сделали первый шаг, когда впервые проснулось чувство, когда попрощались с родителями.

3 мая 1905 г.

Вообразите мир, где причина и следствие меняются местами. Иногда первое предшествует второму, иногда второе – первому. Пусть даже причина всегда лежит в прошлом, а следствие – в будущем: прошлое и будущее взаимосвязаны.

С площадки Бундестеррас открывается поразительный вид: внизу река Аре, выше бернские Альпы. Сейчас там стоит мужчина, он рассеянно опоражнивает карманы и плачет. Без всяких причин его покинули друзья. К нему никто не заходит, не ужинает с ним и не пьет пиво в кабачке, не приглашает к себе. Двадцать лет он был образцовым другом – великодушным, заинтересованным, вникающим, любящим. Что же могло случиться? Неделю спустя этот самый человек пускается во все тяжкие: всех оскорбляет, ходит в зловонном тряпье, скопидомничает, никого не пускает к себе в квартиру на Лаупенштрассе. Что здесь причина и что следствие? Что будущее и что прошлое?

Недавно в Цюрихе муниципалитет одобрил строгие меры. Публике запрещено продавать пистолеты. Банки и торговые дома подлежат проверке. На предмет

контрабанды проверяются все приезжие – как пароходом по реке Лиммат, так и железной дорогой от Зельнау. Силы гражданской обороны удвоены. Спустя месяц после принятия этих крутых мер Цюрих сотрясают неслыханные преступления. Среди бела дня на Вайнплац убивают людей, из Кунстхауса крадут картины, в церкви на Мюнстерхоф устраиваются пьянки. На своем ли месте во времени эти правонарушения? Может, новые указы скорее развязали действия, нежели противодействовали им?

В Ботаническом саду у фонтана сидит молодая женщина. Каждое воскресенье она приходит сюда обонять белые фиалки, мускусную розу, матово-розовый левкой. Вдруг ее сердце взмывает, она краснеет, взволнованно ходит, она чувствует себя беспричинно счастливой. Проходят дни, она встречает молодого человека, и ее охватывает любовь. Не связаны ли эти события? Но как же прихотлива эта связь, как извернулось здесь время, как извратилась логика.

В этом беспричинном мире ученые беспомощны. Их предсказания оборачиваются констатацией факта. Их уравнения сводятся к оправданию, логика оказывается нелогичной. Ученые теряют голову и что-то бормочут, как зарвавшиеся игроки. Ученые – шуты, и не потому, что они разумны, но потому, что неразумен космос. А может, не потому, что неразумен космос, но потому, что разумны – они. В беспричинном мире кто скажет, что есть что?

В этом мире художники несут радость. Непредсказуемость дает жизнь их картинам, их музыке, их романам. Они упиваются непредсказанными событиями, случившимися необъяснимо, без прошлого.

В большинстве своем люди научились жить настоящим моментом. Распространено мнение, что если воздействие прошлого на настоящее имеет неопределенный характер, то нет и необходимости размышлять о прошлом. И если настоящее имеет малое воздействие или влияние на будущее, то относительно нынешних поступков не следует прикидывать последствия. Всякое действие есть островок во времени, и судить о нем надо по нему самому. Семья ублажает умирающего дядюшку не ввиду ожидаемого наследства, а потому что в эту самую минуту его любят. Служащих нанимают не по рекомендательным письмам, а потому что они толково провели беседу. Обиженные хозяевами клерки отражают оскорбления, не тревожась о будущем. Этот мир живет спонтанно. Это честный мир. В нем всякое слово говорится по велению минуты, всякий взгляд однозначен, всякое касание не имеет ни прошлого, ни будущего, всякий поцелуй совершается по движению души.

4 мая 1905 г.

Вечер. Две супружеские пары – швейцарцы и англичане – обедают за своим обычным столом в отеле «Сан Мурецдан» в Сент-Морице. Они встречаются здесь каждый год в июне, общаются и принимают воды. Мужчинам необыкновенно идут их темные галстуки и широкие пояса, женщин красят вечерние платья. По отборному паркету к ним подходит официант, берет заказ.

– Я полагаю, завтра будет замечательная погода, – говорит женщина в парчовой накидке. – Будет большое облегчение. – Другие кивают. – Принимать ванны приятнее в солнечную погоду. Хотя вряд ли это имеет значение.

– «Легконогий» идет четыре к одному в Дублине, – говорит адмирал. – Я бы на него поставил, будь у меня деньги. – Он подмигивает жене.

– Если вы играете, даю пять к одному, – говорит другой. Дамы разламывают булочки, мажут маслом половинки, аккуратно составляют ножи к масленке. Мужчины не сводят глаз с входной двери.

– Мне нравится тесьма на салфетке, – говорит дама в парчовой накидке. Она берет салфетку, разворачивает ее, сворачивает.

– Ты говоришь это каждый год, Жозефина, – с улыбкой говорит другая. Подают обед. Сегодня у них омары, спаржа, жаркое, белое вино.

– Как твое мясо? – спрашивает дама в парчовой накидке, глядя на мужа.

– Превосходно. А у тебя?

– Специй многовато. Помнишь – как на прошлой неделе?

– А ваше мясо, адмирал?

– От грудинки еще никогда не отказывался, – объявляет счастливым голосом адмирал.

– А по комплекции незаметно, – замечает собеседник. – С прошлого года, как, впрочем, и за последние десять лет, вы не прибавили ни килограмма.

– Вам, может, незаметно, зато ей заметно, – говорит адмирал и подмигивает жене.

– Я, может быть, ошибаюсь, но, по-моему, в этом году в комнатах сквозняки, – говорит адмиральша. Другие кивают, занимаясь омаром и мясом. – Мне всегда лучше спится в проветренных комнатах, но от сквозняков я просыпаюсь с кашлем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/laytman_alan/sny-eynshteyna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить